

lichного proishozhdenija // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki: v 2 ch. Tambov: Gramota, 2012. № 7 (18). Ch. II. S. 89–92.

7. Kaljonova N.A. Osnovnye parametry chastnogo pis'ma kak rechevogo proizvedenija (na primere jepistoljarija S.A. Esenina) // Izvestija Volgogr. ped. un-ta. 2014. № 10. S. 68–75.

8. Kaljonova N.A. Problema jemotivnoj kompetencii studentov (analiz rezul'tatov jeksperimenta) // Vysshaja shkola. 2015. № 1. S. 49–50.

9. Kovaljova N.A. Russkoe chastnoe pis'mo XIX veka. Kommunikacija. Zhanr. Rechevaja struktura (na materiale pisem A.S. Pushkina, I.S. Turgeneva, L.N. Tolstogo, A.P. Chehova). M.: SportAkademPress, 2001.

10. Lazutin V.V. Idejno-povedencheskij kompleks «ljudi sorokovyh godov» v literature konca XIX – nachala XX v.: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2011.

11. Leont'eva E.A. Jemocional'no-ocenochnye vozmozhnosti mezhdometnyh frazeologicheskikh edinic v sovremennom russkom jazyke: dis. ... kand. filol. nauk, 2000.

12. Mitel'skaja Zh.Z. Semanticheskaja organizovanost' frazeologizmov modal'nogo klassa. Cheljabinsk: Izd-vo ChGPU, 2004.

13. Pegina T.P. Strukturno-semanticheskie i komunikativnye osobennosti mezhdometnyh jemocional'nyh idiom: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Orel, 1994.

14. Saltykov-Shchedrin M.E. Pis'ma 1845–1889. L.: Gos. izd-vo, 1925.

15. Sinjuk V.B. Frazeologizmy kak vyrazitel' jemocij v jazyke // Raznourovnevyje harakteristiki leksicheskikh edinic: sb. nauch. st.: v 2 ch. Smolensk, 1999. Ch. 2. S. 164–168.

16. Solov'eva O.I. Frazeologicheskie edinicy kak sredstvo sozdanija komicheskogo v proizvedenijah A.T. Averenchenko i N. Je. Tjeffi: dis. ... kand. filol. nauk. Magnitogorsk, 2001.

17. Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka: v 2 t. / sost. A.I. Fedorov. Novosibirsk: Nauka, 1995. T. 1.

18. Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka: v 2 t. / sost. A.I. Fedorov. Novosibirsk: Nauka, 1995. T. 2.

19. Homjakova N.A. Jemotivnost' idiom // Psihologija. 2007 [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://psibook.com/linguistics/emotivnost-idiom.html> (data obrashhenija: 11.10.2014).

20. Shahovskij V.I. Kategorizacija jemocij v leksiko-semanticheskoi sisteme jazyka. Voronezh, 1987.

21. Shehovcova I.A. Verbalizacija bazovyh jemocional'nyh konceptov posredstvom frazeologicheskikh edinic // Aksiologicheskaja lingvistika: problemy

izuchenija kul'turnyh konceptov i jetnicheskogo soznanija. Volgograd, 2002. S. 67–72.

22. Jakovlev N.V. Predislovie // Saltykov-Shchedrin M.E. Pis'ma 1845–1889. L.: Gos. izd-vo, 1925. S. III–VIII.

*Methods of phraseological objectivity of emotional information in a private letter (based on the epistolary works by M.E. Saltykov-Shchedrin)*

*The analysis of the role of phraseological units in verbalization of emotions in a private letter by the example of the epistolary works by M.E. Saltykov-Shchedrin revealed the methods of phraseological objectivity of emotions: interjection, usual and contextually emotive, occasional and verbal phraseological units, and the phraseological units participating in the complex objectivity of emotions.*

Key words: *phraseological unit, private letter, emotiveness, M.E. Saltykov-Shchedrin.*

(Статья поступила в редакцию 7.05.2015)

**О.А. ТРОФИМОВА**  
(Волгоград)

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ «МНОГО – МАЛО» В ПАРЕМИЯХ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА**

*Описаны способы реализации количественной семантики в пословицах и поговорках донского казачества. Рассматриваются морфологические средства, а также имплицитный и эксплицитный пути выражения малого и большого количества.*

Ключевые слова: *количественная семантика, «много – мало», паремии, имплицитный и эксплицитный способы выражения.*

Как известно, категория количества проявляется в семантике всех языковых единиц, фразеологическое значение считается оригинальным объектом отображения количественного аспекта. При актуализации количественного значения в семантике номинативных еди-

ниц все предметы, события и факты окружающей действительности предстают в своих пространственно-временных и количественных оценочных параметрах. В связи с этим заслуживает особого внимания мнение Р.М. Искановой об особенностях отображения количественного аспекта в языке; по словам исследователя, количество является «реальным атрибутом материи, который находит свое отражение в нашем сознании и, следовательно, в языке» [3, с. 5].

Раскрытие заявленной темы предполагает обсуждение вопроса границ фразеологии и включения в её состав паремиологического фонда – пословиц и поговорок. В современной русистике существует много точек зрения относительно функционального назначения и культурной значимости пословиц и поговорок (паремий) как функционально-речевых репрезентантов народного менталитета. Различные взгляды на названные аспекты заслуживают особого внимания. Н.Н. Семененко отмечает, что многие ученые называют паремии единицами фраземики (В.Т. Бондаренко, В.П. Жуков, В.М. Мокиенко, Л.Б. Савенкова и др.). Другая же часть исследователей причисляет пословицы и поговорки к народной афористике (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Е.Е. Иванов и др.) [5, с. 4]. По мнению В.П. Аникина, паремии можно отнести к одному из фольклорных жанров, а именно – к необрядовым произведениям с общемировоззренческими функциями [1, с. 4–5].

Следует заметить, что и лингвисты, и фольклористы сходятся во мнении относительно отличительной особенности паремий, несущих в себе лингвокультурологическую ценность, отражающих «национальную самобытность народа» [7, с. 215] и выражающих «культурно-исторический опыт этноязыкового сообщества» [5, с. 5] не только с помощью своего содержания, но и формы. Кроме того, структура пословиц и поговорок обладает раздельнооформленностью, а их семантика – оценочна, эмотивна, а следовательно, экспрессивна. Перечисленные позиции позволяют рассматривать пословицы и поговорки в структуре фразеологии. В этой связи представляется интересным и убедительным мнение Р.М. Искановой, которая также проводит параллель между паремиями и фразеологизмами в их традиционном понимании и утверждает, что паремии отражают разнообразные универсалии, при этом через призму национального восприятия и мышления. К данным универсалиям можно отнести и категорию коли-

чества, отражающую объективный мир, в котором существует человек. И конечно, данная категория неразрывно связана с рядом других категорий, такими как качество, пространство, время, интенсивность, оценка и др.

Исследования категории количества демонстрируют то, что она находит свое выражение в языке морфологическими и синтаксическими способами, имплицитно и эксплицитно. Например, в русской пословице *Бог поберёг вдоль и поперёк* [2, с. 36] количественная семантика реализуется эксплицитно с помощью содержащегося в составе паремии фразеологизма *вдоль и поперек* – ‘во всех направлениях; повсюду, везде’ [8, с. 57–58]. Данный фразеологизм указывает на всеобъемлемость и обширность действий, подчеркивая их количественную семантику. В пословице *У Бога милости много* [2, с. 35] неопределенно большое количество выражается эксплицитно с помощью наречия *много* ‘в большом количестве, в значительной степени; немало’ [6, с. 280]. Особый интерес представляет специфика отображения категории количества в семантике пословиц и поговорок донского казачества.

Как известно, паремии включают компоненты, которые обладают одновременно прямым и переносным значениями. Очень часто компоненты анализируемых единиц обладают количественным значением и сочетаются со словами, обозначающими вместилище и придающими тексту буквальный смысл (*Пустой шалаш всегда раскрытый* [4]). Слово *пустой* в данной пословице означает ‘ничем не заполненный (о каком-л. вместилище)’ [6, с. 561] и обладает количественным признаком. Однако если описываемые ранее компоненты постоянно характеризуют какой-либо предмет, не являющийся вместилищем, то пословица или поговорка в целом может приобретать качественное значение объекта (*От пустых слов у казака руки слабеют* [4]). В контексте рассматриваемой паремии слово *пустой* приобретает переносное значение ‘неосновательный, лишенный серьезного значения’ [6, с. 561], при этом уже указывая на качественный признак. Это говорит о подвижности значения многих слов, используемых в пословицах и поговорках донского казачества.

Следует отметить, что многие слова, встречающиеся в паремиях, употребляются в прямом основном количественном значении, при этом в данной функции чаще всего используются наречия. Например, для репрезентации значения неопределенно большого количества выступает наречие *много* ‘в боль-

шом количестве, в значительной степени; немало' [6, с. 280], а *мало* 'в небольшом количестве, в небольшой степени; немного' [Там же, с. 219] служит выражению неопределенно малого количества: *В сито много налито, да ни разу не пито; Казаков мало не бывает; Казаки что дети: и много поедят, и малым наедятся; Глухой не расслышит – большие догадается* [4]. Помимо лексических единиц *много* и *мало*, в проанализированных выражениях встретились и другие наречия, а именно: *далеко, рано, высоко, низко, просторно* и др. (*Далеко серику за беликом гоняться; Казацье око видит далёко; Высоко мостится, да низко садится; У наших казаков обычай таков: где просторно, тут и спать ложись* [Там же]). Все перечисленные слова обладают количественным значением, так, *далеко* 'о чем-л., находящемся, происходящем на большом расстоянии' [6, с. 263] указывает на значительное расстояние до объекта. Также следует обратить внимание на антонимы *высоко* 'о чем-л., имеющем большое протяжение снизу вверх' [Там же, с. 281] (указывает на неопределенно большое количество) и *низко* 'о чем-л. имеющем небольшое протяжение снизу вверх' [Там же, с. 497] (указывает на неопределенно малое количество). Оба слова демонстрируют высоту, занимаемую предметом. В пословице *У наших казаков обычай таков: где просторно, тут и спать ложись* [4] – используется наречие *просторно* 'занимая большое пространство, не тесно' [6, с. 527]. Семантика данной пословицы благодаря компоненту с количественным значением становится более экспрессивной.

В проанализированном материале актуальны также наречия с конкретной количественной семантикой. Примером являются слова *вдвоём, втроём* и им подобные. В проанализированном материале представлено наречие, указывающее на определенно большое количество, а именно – *вдвоём* 'в количестве двух лиц, вместе с кем-л.' [Там же, с. 142]. В паремии *Похудела: где хотела перерваться – вдвоём не обхватишь* [4] слово *вдвоём* в сочетании с глаголом *не обхватишь* указывает на большое расстояние, которое необходимо для того, чтобы обнять располневшую женщину.

Известно, что богатыми семантическими возможностями обладают имена прилагательные, им свойственно также количественное значение, которое может проявляться как в прямом, так и в переносном значении. Многие прилагательные, входящие в состав донских пословиц и поговорок, имеют значение нео-

пределенно большого и малого количества. В пословицах *Большому куску рот радуется* и *У доброй славы большие крылья* [Там же] лексическая единица *большой* 'значительный по величине, размерам' [6, с. 106–107] обладает семантикой неопределенно большого количества. Это же значение имеет прилагательное *сильный* 'отличающийся большой физической силой (о человеке, животном)' [Там же, с. 93], используемое в паремии *Казак и гриву прихватит, чтобы сильнее ударить* [4]. Если говорить о неопределенно малом количестве, то оно выражено в паремиях: *Хороша кашка, да мала чашка; Тонкая – гляди перервется; Пели бы еще да в животе тощо* [Там же]. В первой из них с помощью краткой формы прилагательного *малы* 'незначительный по величине, размерам' [6, с. 218] передается семантика малого количества. Следует отметить, что названное прилагательное с количественной семантикой вносит ироничный оттенок в значение пословицы. Второе выражение также имеет в своем составе единицы с квантитативным значением, а именно: прилагательное *тонкий* 'небольшой в поперечном сечении' [6, с. 380–381]. Особый интерес с точки зрения репрезентации неопределенно малого количества представляет краткая форма прилагательного *тощий тощо*. Данная лексическая единица имеет значение 'очень худой, исхудалый' [Там же, с. 393], т.е. 'имеющий тонкое, сухощавое тело (о человеке и животном)' [Там же, с. 630]. В данном контексте прилагательное употребляется в переносном значении и также вносит в пословицу ироничный смысл. Неопределенно малое и большое количество реализуется в пословицах и поговорках донского казачества, как и в языке, с помощью различных средств, чаще всего морфологических.

Определенное же количество находит отражение в паремиях благодаря использованию имён числительных, некоторые из них имеют значение множества предметов (*три, десять, сто*): *За доброй головой – сто рук; Посадила, полила и три года не была; У трёх братьев одна кобыла была; Жрёт в три горла; Баба и курица в ста шагах от двора – ничейные; Наговорил десять бочек арестантов, а другие – недостаток или малое количество (один): Одного до сотни не хватает; Один раз родила казака мати, один раз и помирати* [4] и др.

Таким образом, в состав всех рассмотренных выше примеров входят единицы, количественная семантика которых выражена эксплицитно при помощи наречий и прилагательных. Однако были выявлены паремии, выражающие квантитативное значение имплицит-

но, в этом случае в структуре пословиц отсутствуют единицы с количественным значением. Например, пословица *Наелся, как Мартын мыла* имеет значение ‘дорвался, переел’ [4], т.е. ‘съел слишком много, причинив себе вред’ [6, с. 62]. Тем самым можно утверждать, что рассматриваемая единица обладает семантикой неопределенно большого количества, но не имеет в своем составе слов с квантитативным смыслом. Паремия *Голому одеться – только подпоясаться* [4] также не содержит количественных слов, но означает ‘быстро, без задержки’, описываемое действие ‘происходит, совершается с большой скоростью’ [6, с. 130]. Если говорить о неопределенно малом количестве, то паремия *Взял – как украл* обладает квантитативной семантикой ‘слишком мало взял’ [4]. К описываемой группе можно отнести паремии, которые имеют как неопределенно большое, так и неопределенно малое квантитативное значение: *Осталось, как до кустика* – ‘немного, мало’; *С комариную ногу* – ‘мало’; *Голосок, раздаётся весь лесок* – ‘сильный, громкий голос’ [Там же] и др. Таким образом, среди пословиц и поговорок донского казачества выделены единицы, подтверждающие факт имплицитной реализации семантической категории количества.

Компоненты многих рассмотренных паремий, обладая квантитативным смыслом, не вносят его в семантику всей единицы в целом. Например, были выделены пословицы, содержащие в своем составе имя числительное *сто* ‘служит для выражения неопределенно большого количества в значении: *много, очень много*’ [6, с. 269]: *За доброй головой – сто рук* и *Баба и курица в ста шагах от двора – ничейные* [4]. Однако значение перечисленных паремий не содержит данной количественной семантики. Первое из рассмотренных выражений используется при описании ‘умного и умелого, всем нужного человека’ [Там же], вторая же паремическая единица означает то, что *каждый должен знать своё место*. Такой же особенностью обладают паремии *Два сапога – пара* и *Два друга – хомут да подпруга* [Там же], включающие имя числительное *два* с квантитативным значением ‘несколько, немного, небольшое число, количество’ [6, с. 367]; семантика этих выражений не обладает таковыми: ‘оба одинаково плохие’ и ‘не подходят друг другу’ [4]. Из этого следует, что не все паремии, включающие в свой состав лексические единицы с количественным значением, приобретают его в своей семантике.

Категория количества актуализируется в семантике языковых единиц. Количественное значение имеет оригинальное имплицитное и эксплицитное выражение в пословицах и поговорках донского казачества. Типичным для выражения количественного значения в рассматриваемых паремиях является морфологический способ.

### Список литературы

1. Аникин В.П. Устное народное поэтическое творчество: учебник для студ. учрежд. высш. проф. образования. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Академия, 2011.
  2. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957.
  3. Исканова Р.М. Проявление категории количественности в пословицах английского и немецкого языков: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2002.
  4. Кочетов А. Пословицы и поговорки донских казаков. URL: <http://shebunyaev.artkazak.ru/text/pogovorki.html>.
  5. Семененко Н.Н. Русские паремии: функции, семантика, прагматика: монография. Старый Оскол: Изд-во РОСА, 2011.
  6. Словарь русского языка: в 4-х т. /АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М.: Рус. язык, 1985–1988.
  7. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, парадигматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Яз. рус. культуры, 1996.
  8. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М.: Моск. энцикл., 1967.
- \* \* \*
1. Anikin V.P. Ustnoe narodnoe pojeticheskoe tvorcestvo: uchebnik dlja stud. uchrezhd. vyssh. prof. obrazovanija. 4-e izd. pererab. i dop. M.: Akademija, 2011.
  2. Dal' V.I. Poslovicy russkogo naroda. M.: Gos. izd-vo hudozh. lit., 1957.
  3. Iskanova R.M. Projavlenie kategorii kolichestvennosti v poslovicah anglijskogo i nemeckogo jazykov: dis. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2002.
  4. Kochetov A. Poslovicy i pogovorki donskih kazakov. URL: <http://shebunyaev.artkazak.ru/text/pogovorki.html>.
  5. Semenenko N.N. Russkie paremii: funkcii, semantika, pragmatika: monografija. Staryj Oskol: Izd-vo ROSA, 2011.
  6. Slovar' russkogo jazyka: v 4-h t. /AN SSSR, In-t rus. jaz.; pod red. A.P. Evgen'evoj. 3-e izd., ster. M.: Rus. jazyk, 1985–1988.
  7. Telija V.N. Russkaja frazeologija. Semanticheskij, paradigmaticeskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. M.: Jaz. rus. kul'tury, 1996.
  8. Frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka / pod red. A.I. Molotkova. M.: Mosk. jencikl., 1967.

*Language means of implementation of the semantic category “much/little” in the paremies of the Don Cossacks*

*There are covered the ways of implementation of the quantitative semantics in the proverbs of the Don Cossacks. There are considered the morphologic means, as well as the implicit and explicit ways of expression of “little” and “much”.*

Key words: *quantitative semantics, “much/many”, paremies, implicit and explicit ways of expression.*

(Статья поступила в редакцию 10.06.2015)

**К.А. ГЕЙН**  
(Екатеринбург)

**ОНОМАСИОЛОГИЯ И ИДЕОГРАФИЯ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО: ДВЕ КОМПЛЕМЕНТАРНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

*Два интерпретационных подхода к работе с именами собственными – ономасиологический и идеографический – не автономны и тем более не противоположны, а комплементарны; при построении идеографической классификации онимов наряду с семантикой производящей по отношению к ониму апеллятивной основы необходимо учитывать и отраженные в имени номинативные процессы, включенность онима в ту или иную ономасиологическую модель.*

Ключевые слова: *ономасиология, идеография, онимы, микропонимия.*

Ономасиология как направление лексикологических исследований занимается изучением проблемы появления языкового знака и закрепления его за определенной сущностью, а также вопросами степени мотивированности (или произвольности) связи между ними. Такое понимание ономасиологии находим, например, у О. С. Ахмановой («наука об обозначении, назывании, номинации» [1, с. 288]), а также в лингвистическом энциклопедическом

словаре («теория номинации»; «Ономасиология <...> занимается вопросами номинативной техники и способами формирования единиц номинации разного уровневоего статуса, разной протяженности и структуры, а также неодинаковых по способу представления действительности в знаках языка» [7, с. 345]).

Более узкая интерпретация предмета ономасиологии представлена И.С. Торопцевым: «Ее предметом [предметом ономасиологии] должны быть только процесс формирования лексических единиц и модель такого формирования» [10, с. 3].

Обобщая эти взгляды и определения, скажем также в дополнение, что слово (и в особенности – имя собственное, присваиваемое объекту) ономасиологически рассматривается не только как обозначение единичной реалии, но и как «отраженный в голове человека образ вещи [в нашем случае – этой реалии. – К.Г.], представление о ней, некий концепт, в конечном счете – понятие» [6, с. 37]. Ономасиология учитывает замысел говорящего и выбор им языковых средств для его реализации. В ономастике этот процесс выступает в наиболее «очищенном» виде, поскольку при создании имени собственного семантическая функция уходит на второй план, уступая «первенство» номинативной. Из этого следует, что ономастикон (топонимикон) может быть определен как сложившаяся на базе доминирующих в сознании пользователей системы имен собственных (топосистемы) представлений номинативная система. Поле ее действия – предметный ряд, представленный для топонимии географическими объектами.

Однако в цепочке «предметный ряд – обозначение» выделяется еще одно звено: вербализация этого представления, которая может быть различной при воплощении одного и того же представления. Таким образом, становится возможным выделение некоторой абстрактной единицы («абстракции второго уровня» по отношению к обозначаемому), связывающей признак объекта и его воплощение в названии, – ономасиологической модели.

Определение ономасиологической модели как признака объекта, воплощаемого в названии, справедливо как для апеллятивной лексики, так и для онимов. Однако ономасиологическая картина в области нарицательной лексики отличается от аналогичной в ономастике: существуют как модели, встречающиеся в апеллятивном словопроизводстве и не представ-